

Мария Корелли

МОЛЧАНИЕ МАХАРАДЖА

Рассказы

Мария Корелли

Молчание Махараджа. Рассказы

«Издательские решения»

Корелли М.

Молчание Махараджа. Рассказы / М. Корелли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838042-6

Сборник небольших рассказов М. Корелли, написанных в Викторианскую эпоху, в которых писательница затрагивает вечные темы добра и зла, любви и ненависти, а также освещает проблему упадка социальной нравственности. В оригинале рассказы публиковались в Англии, в сборнике «Cameos» (1919 г.).

ISBN 978-5-44-838042-6

© Корелли М.
© Издательские решения

Содержание

Божественный Свет над горами	6
Ребёнок в платке	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Молчание Махараджа Рассказы

Мария Корелли

Переводчик А. В. Боронина

© Мария Корелли, 2017

© А. В. Боронина, перевод, 2017

ISBN 978-5-4483-8042-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Божественный Свет над горами Аллегория

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет».

Одно за другим поднялись облака, и плотные, нависающие завесы тумана медленно раздвинулись. Показались огромные горы, ясно обозначившись на фоне бледной голубизны небес. Вечные снега лежали на них, и их ледяные высокие пики казались очень далёкими. Но одна широкая полоса горящего золота освещала склоны с востока; и в её тёплой и нежной мгле растаял жёсткий снег, и расцвели пурпурные фиалки.

Два тёмных мужских силуэта двигались к свету. Они взбирались долгими часами. Они увидели сияние издали, и теперь восходили к нему вместе. Они были братьями по духу и вере, но как только они ступили на полосу золотого Света, брови их нахмурились от взаимного недоверия и гнева.

– Что ты здесь делаешь? – сказал один. – Это мой Свет!

– Нет, глупец! – отвечал второй. – Ты лжец! Этот Свет мой!

И злоба исказила их лица, и позабыли они о своём братстве и схватились; они дрались в слепой ярости за каждый дюйм этого чудесного Света, который был не их; дрались, пока фиалки на земле не потонули и не погибли в потоках пролившейся крови.

Но вдруг меж ними пала Тень. И имя Тени было Смерть. Тогда эта противоборствующая пара в страхе распалась и, спрятав глаза, стремительно сбежала, а Тень ушла с ними. И кровь их впиталась в холодную коричневую землю, и фиалки вновь расцвели. И Свет Божий продолжал освещать горы.

Две женщины пришли к свету. Они были великими королевами, все в золоте и тяжёлых драгоценностях. С собою они притащили хилое и слабое создание, похожее на ребёнка с крыльями; и, почти умирая, это существо рыдало, выло и тряслось на ходу. Добравшись до Света, женщины остановились и повернулись друг к другу.

– Отпусти Любовь! – сказала одна. – Ибо вот мы достигли цели и, во имя чуда моей красоты, и Свет и Любовь теперь принадлежат мне!

– О предательница! – вскричала вторая. – Что значит твоя красота там, где есть я? Я повелительница мира; Любовь – моя слуга. Свет – моё наследие. Оставим споры, ибо Любовь и Свет принадлежат мне!

И снова явилась Тень. Тогда две королевы-соперницы побледнели, похудели и канули, как бестелесные призраки, во тьму. Но крылатое дитя осталось в одиночестве, рыдая. И Свет Божий мягко освещал горы.

Одинокий путник пришёл к свету. С непокрытой головой и поднятым взглядом он остановился, смотрел и улыбался. Ноги его очень устали, руки были натруженные; и хотя его лицо и было бледным и измученным, но оно было прекрасным. Губы его разомкнулись от вздоха восхищения.

– Вот он Свет! – сказал он. – Мой Бог, я благодарю Тебя!

И крылатая Любовь, рыдавшая в одиночестве, подошла к нему и поцеловала его ноги.

– О, кто ты? – спросила она, всхлипывая. – Кто ты, забредший в такую даль, чтобы отыскать Свет и не имеющий ни единого завистливого слова, а лишь покой и благодарность?

И чужестранец, улыбаясь, отвечал:

– Я известен как Презренный и Одинокий: во всём мире я ничего не имею, даже благословения. В одиночестве я искал Свет и нашёл его; посему я восславляю Дарителя Света,

который не позволил мне согнуться. Ибо я ношу имя самое ненавистное среди людей, имя моё Истина!

И снова явилась Тень. Только это была уже не Тень, но Сияние, само сиявшее Светом. И уставшая Истина растворилась в золотом Свете и окрепла. Любовь осушила свои детские слёзы, а издали донёлся нежный звук как будто поющих ангелов. И Свет Божий осветил все горы.

Ребёнок в платке

Стояла тёмная, безлюдная декабрьская ночь – ночь, накрывшая огромный город чёрным саваном, ночь, в которой тяжёлые, низко нависшие испарения то и дело превращались в медленный, неохотный дождь, холодный, словно ледяная капель в каменной пещере. Люди появлялись и исчезали на улицах, как призраки в дурном сне; мерцающий свет газовых ламп выхватывал их на секунду из тумана, а затем они исчезали из виду, словно внезапно поглощённые чёрным морем испарений. С глухими, злобными криками городские поезда освобождали свои вагоны от кашляющих путешественников на разных станциях, где сонные служащие, раздражённые погодой, вырывали билеты из их рук с нервной поспешностью и грубостью. Водители омнибусов стали злыми и неучтивыми без всякой причины; владельцы магазинов выказывали пренебрежение, неуважение и беспечность по отношению к покупателям; извозчики кричали насмешливым или осуждающим тоном вслед своим быстро убегающим пассажирам; короче, все были недовольны, почти злы, за исключением тех немногих нарочито весёлых человек, кто имел привычку всегда видеть во всём только хорошее, даже в дурной погоде. Вниз по длинной, широкой Кромвель Род в Кенсингтоне туман поглотил всё на своём пути; он медленно стелился, как плотный дым от огромного пожара, забивая горла и ослепляя глаза пешеходов, прокрадываясь в щели домов и холодя кровь даже тех привилегированных жителей, которые, сидя в своих изысканных гостиных перед горящими каминами, с лёгкостью забывали о существовании таких горьких вещей, как холод и бедность в том внешнем мире, от которого они отгорожены их окнами. У одного дома, в частности, у дома с пёстрыми стеклянными дверями и несколько попорченными жёлтыми шёлковыми занавесками на окнах, доме, который ясно говорил о себе: «Выстроен напоказ!» всем, кому есть дело до изучения его наружности, – стояла закрытая карета, запряжённая гарцующей парой толстых лошадей. Кучер выдающейся наружности сидел на козлах; лакей безупречной формы стоял в ожидании на тротуаре, элегантно положив руку в жёлтой перчатке на натёртое серебро ручки кареты. Оба джентльмена имели решительное и непреклонное выражение лиц; они выглядели так, будто решились на некое великое дело, которое заставило бы мир дико рукоплескать им; однако, по правде сказать, они только что покончили с великолепным чаепитием и, прежде чем они погрузились в столь серьёзное молчание, они обсуждали вопрос целесообразности приготовления жареного стейка с луком на ужин. Кучер склонялся к простой бараньей отбивной, что было легче для пищеварения; лакей искренне отстаивал свою веру в высшую степень сочности и сладости стейка с луком, и в конце концов он победил. Разрешив нелёгкий вопрос, они постепенно погрузились в размышления о прошлых, настоящих и будущих радостях питания за чужой счёт, и в этом лёгком и приятном состоянии задумчивости они всё ещё и пребывали. Лошади в нетерпении мели рыхлую землю своими длинными гривами и хвостами, и пар от их глянцевых попон смешивался с непроницаемо плотным туманом. На белых каменных ступенях дома, перед которым они ждали, лежал почти незаметный тряпичный ком, совершенно бесформенный и неподвижный. Ни один из благородных пажей его не замечал; он лежал слишком далеко в глубине затуманенного угла, слишком неприметный для случайной остановки их возвышенных взглядов. Вдруг стеклянная дверь перед ними распахнулась с шумом, от чего тепло и свет из прихожей устремились на туманную улицу, и в тот же миг лакей, всё с тем же серьёзным, непроницаемым лицом, открыл дверь кареты. Престарелая дама, богато одетая, с искрящимися бриллиантами в седых волосах, прошуршала вниз по ступеням, принеся с собою слабые ароматы пачули и фиалковой пудры. За ней следовала девушка кукольной красоты, курносая и с маленьким капризным ротиком, которая поддерживал свои сатиновые с кружевами юбки с неким привередливым презрением, как будто она не желала ступать на землю, не застеленную лучшими бархатными коврами. Когда они подошли к карете, неподвижный тёмный узел,

скорчившийся в углу, подал признак жизни: им оказалась женщина с растрёпанными волосами и диким взглядом, чьи бледные губы дрожали от подавляемых рыданий, когда её молящий голос прорвался внезапным криком:

– О леди! – вскричала она. – Во имя любви Божьей, подайте! О леди, леди!

Но «леди» с презрительным видом трянула своими ароматными одеждами и прошла мимо неё, прежде чем та смогла продолжить свои мольбы, и тогда женщина обернулась с тенью слабой надежды в сторону девушки с более мягким лицом.

– О дорогая, сжальтесь! Всего лишь мелочь – и Господь вас благословит! Вы богаты и счастливы, а я страдаю! Всего лишь пенни! Ради ребёнка, маленького бедного ребёнка! – И она попыталась раскрыть свой дырявый платок, чтобы показать некое сокровище, сокрытое в нём, но сжалась от холодного, беспощадного взгляда, который устремился на неё из глубины её глаз без всякой нежности.

– Нечего тебе делать у наших дверей, – резко проговорила девушка. – Убирайся прочь, или я прикажу слугам позвать полицейского.

Затем, когда она поднялась в карету вслед за своей матерью, девушка злобно обратилась к великолепному лакею, преподав ему урок демонстрации выраженной носовой интонации:

– Говард, почему ты позволяешь всяким грязным попрошайкам приближаться к карете? За что тебе платят, хотела бы я знать? Это просто позор для нашего дома!

– Весьма сожалею, мисс! – серьёзно отвечал лакей. – Я её не видел раньше – эту женщину. – Затем, закрыв дверь кареты, он повернулся с возмущённым видом к несчастной, которая всё ещё была рядом, и с властным взмахом руки в золотой перчатке повелительно проговорил:

– Слышала? Прочь!

Потом, исполнив таким образом свой долг, он запрыгнул на козлы рядом со своим другом кучером, и экипаж быстро укатил прочь, и его горящие огни вскоре затерялись в дымных испарениях, которые спускались вниз, как похоронные портьеры, с невидимых небес на едва различимую землю.

Оставшись в одиночестве, женщина, напрасно искавшая милосердия у тех, в ком его не было, в отчаянии подняла взгляд, словно безумная, и показалось, будто она сейчас издаст какое-нибудь яростное восклицание, когда из недр складок её платка раздался жалобный крик. Она тут же успокоилась и пошла вперёд скорым шагом, едва различая путь, пока не оказалась у католической церкви, известной как «Оратория». Её недостроенный фасад мрачно просвечивал сквозь туман; в нём не было ничего прекрасного или призывного, и всё же люди осторожно входили внутрь и выходили наружу, и при каждом размашистом покачивании красных обитых сукном дверей изнутри вырывался какой-то успокаивающий тёплый свет. Женщина остановилась, помедлила, а затем, очевидно, приняв решение, поднялась по широким ступеням, заглянула внутрь и наконец вошла. Место показалось ей странным; она ничего не знала о его религиозном назначении, и его холодный, незавершённый интерьер давил на неё. Внутри собралось всего около полудюжины человек, словно чёрные блики на фоне просторного белого интерьера, и тяжёлый туман стоял под сводчатым куполом и в тёмных маленьких часовнях. Лишь один угол горел светом и цветом – это был алтарь Мадонны. К нему и направилась усталая нищенка и, достигнув его, опустилась на ближайший стул словно бы в измождении. Она не смотрела на мраморное великолепие святыни, на шедевры старой школы итальянского искусства; к этому месту её привлек только свет горящих ламп и свечей, не возбудив любопытства по поводу причины их существования, хотя она и ощутила некий покой в мягком сиянии вокруг. Женщина выглядела ещё молодой; лицо её выражало усталость после долгих и тяжких лишений, выказывая следы былой красоты, и её глаза, исполненные горячего беспокойства, были огромны, темны и всё ещё яркие. Лишь один её рот – этот чувственный предатель доброты и порока – выдавал, что не всё шло гладко у неё в жизни; его черты были жёсткими

и злыми, и упрямый изгиб верхней губы говорил о глупой гордости, не без примеси безрассудной чувственности. Она немного посидела неподвижно; затем с чрезвычайной заботливостью и нежностью она начала осторожно разворачивать тонкий, порванный платок, с беспокойством глядя вниз, на предмет, сберегавшийся внутри. Там лежал всего лишь ребёнок – и к тому же ребёнок такой хрупкий и нежный, что, казалось, мог бы растаять, как снежинка от малейшего прикосновения. Когда складки были развязаны, открылась пара огромных серьёзных голубых глаз, которые смотрели в лицо женщины со странной, жалобной тоской. Ребёнок лежал спокойно, не плакал – стиснутая, бледная миниатюра страданий человечества – ребёнок с отметиной скорби, болезненно запечатлённой на его осунувшемся, маленьком личике. И тогда он протянул хилую ручку и вяло погладил свою защитницу, и всё это тоже с самой слабенькой улыбкой на губах. Женщина ответила на это проявление ласки каким-то неистовым восторгом: она крепко прижала ручку к груди и покрыла поцелуями, покачиваясь из стороны в сторону с обрывочными словами нежности.

– Моя дорогая малышка! – шептала она нежно. – Моя девочка! Да, да, знаю! Ты так устала, так замёрзла и проголодалась! Ничего, милая, ничего! Мы немного отдохнём здесь; потом мы споём песенку и добудем немного денег, чтобы добраться домой. Поспи ещё немного, дорогая! Вот так! Теперь нам снова тепло и уютно!

Говоря так, она снова завязала платок ещё более плотным и тугим узлом, чтобы вернее защитить ребёнка. Пока она была этим занята, одна дама в глубокой задумчивости прошла мимо неё и, подойдя к самым ступеням алтаря, упала на колени, закрыв лицо ладонями. Это привлекло внимание усталой нищенки; она смотрела с каким-то печальным удивлением на молящуюся фигуру, одетую в дорогой шёлк и креп, и постепенно взгляд её поднимался всё выше, пока не остановился на серьёзной, нежной и безмятежной улыбке мраморного изображения Мадонны с Ребёнком. Она смотрела и смотрела – удивлённая, недоверчивая; когда вдруг поднялась на ноги и направилась к перилам алтаря. Там она остановилась, смутно глядя на корзину с цветами, белыми и ароматными, которую принёс туда какой-то набожный верующий. Она с сомнением оглядывала размашистые серебряные светильники, мерцающие свечи; она улавливала также тонким чутьём странный аромат в воздухе, как будто только что мимо пронесли корзину, наполненную весенними фиалками и нарциссами; затем, когда её блуждающий взгляд упал на спину одинокой женщины в чёрном, которая до сих пор стояла на коленях неподвижно рядом с ней, какое-то сильное чувство сдавило ей горло и жгучие слёзы обожгли глаза. Она попыталась подавить это чувство тихим презрительным смешком.

– Боже, Боже! – едва выдохнула она. – Что же это за место, где они молятся женщине с ребёнком?

В этот момент женщина в чёрном поднялась; она была молода и имела гордое, честное, но усталое лицо. Глаза её остановились на её грязной и нищей сестре, и во взгляде отразилось сочувствие. Бродяжка попыталась воспользоваться этой возможностью и торопливым шёпотом взмолилась о подаении. Дама вытащила кошелёк, помедлила, задумчиво глядя на узелок из платка.

– У тебя там ребёнок? – спросила она мягким тоном. – Могу я его увидеть?

– Да, мадам, – и она развернула платок настолько, чтобы приоткрылось крошечное бледное личико, теперь ещё более трогательное, чем обычно бывало во сне.

– Я потеряла своего малыша неделю назад, – просто сказала дама, глядя на неё. – Он был всем для меня. – Голос её задрожал, она раскрыла кошелёк и положила полкроны на ладонь потрясённой нищенки. – Ты счастливее меня; быть может, ты за меня помолишься. Я очень одинока!

Затем, накинув креповую вуаль так, что та полностью скрыла её лицо, она опустила голову и медленно двинулась прочь. Женщина смотрела ей вслед, пока её изящная фигура не пропала в сумраке огромного храма, а затем медленно повернулась к алтарю.

«Помолиться за неё! – подумала она. – Я! Будто я умею молиться!»

И она горестно улыбнулась. И снова поглядела она на статую святой; для неё она ничего не значила. Она никогда не слыхала о Христианстве, не считая одной брошюрки на улице с мало утешающей надписью: «Стой! Ты движешься в Ад!». Над любой религией насмеялись люди, принадлежавшие к её кругу, имя Христа употреблялось только в качестве удобной клятвы, и потому эта таинственная, улыбочивая, добрая мраморная фигура оставалась тайной для её понимания.

– Как будто я умею молиться! – повторила она с какой-то издёвкой. Затем она взглянула на крупную серебряную монету в своей руке и на спящего ребёнка на руках. В неожиданном порыве она бросилась на колени.

– Кем бы ты ни была, – забормотала она, обращаясь к статуе над собой, – я вижу, что у тебя тоже был ребёнок, быть может, ты поможешь мне позаботиться об этом дите. Она не моя; хотела бы я, чтобы это было так! Всё равно я люблю её больше, чем родная мать. Я думаю, ты не станешь слушать такую, как я, но если есть Бог где-то, то я бы хотела попросить Его благословить эту добрую душу, которая потеряла своего ребёнка. Я благословляю её от всего сердца, но моё благословение не многого стоит. Ах! – и она снова посмотрела на безмятежный бледный лик Мадонны, – ты смотришь так, будто понимаешь меня, но я не верю, что это так. Неважно, я уже всё сказала.

Её странное обращение, или скорее беседа, кончилась, она встала и пошла прочь. Огромные двери храма тяжело захлопнулись на неё, когда она шагнула наружу и снова оказалась на грязной улице. Шёл непрерывный дождь – настоящий, холодный, пронизывающий дождь. Но монета в её руке была оберегом от внешних неудобств, и она продолжала идти вперёд, пока не оказалась в чистенькой молочной, где за пару пенсов она могла наполнить детскую давно опустевшую бутылочку; но она для себя она ничего не купила. Она ничего не ела весь день и теперь слишком ослабела, чтобы есть. Вскоре она поднялась в омнибус и он увёз её на Чаринг Крос и, высадившись на большой станции, горячей электрическими огнями, она ходила туда и обратно, выпрашивая милостыню у малочисленных прохожих и взывая к их жалости. Один человек подал ей пенни, другой, молодой и красивый, с горящим нетерпением лицом и мальчишеским взглядом, сунул руку в карман и вытащил оттуда все медяки, в сумме составившие около трёх пенни и фартинг, и, высыпав всё это на протянутую ладонь, сказал весело и отважно:

– С такими глазами, как у тебя, ты заслуживаешь большего!

Она отпрянула назад и содрогнулась; он разразился смехом и пошёл своей дорогой. Стоя на том же месте, она на секунду потерялась в невесёлых размышлениях; капризный детский плач вернул её на землю и, мягко утешая ребёнка, она забормотала:

– Да-да, дорогая, слишком холодно и сыро для тебя, лучше нам уйти.

И, действуя по наитию, она вскочила в новый омнибус, на этот раз направлявшийся в Тоттенхем Корт Роад, и после недолгой муторной тряски пересела на окончательный маршрут – до грязной улицы в худшем районе Севен Дайалс. Там её встретили криками издевательского смеха, исходившего от грубых мужчин и женщин, которые сгрудились вокруг дешёвой лавки разливного джина на углу.

– Это Лиз! – заорал один. – Это Лиз и паршивый ребёнок!

– Давай, старушка, раскошеливайся! Сколько там у тебя, Лиз? Угости нас всех по капельке!

Лиз спокойно прошла мимо них, резкая складка над её верхней губой ярко проступила, и глаза её разгорелись презрением, но она ничего не ответила. Её молчание разозлило девчонку с кошачьим лицом и спутанными волосами лет примерно семнадцати, которая уже наполовину пьяная сидела на земле, сжав колени обеими руками и лениво покачиваясь из стороны в сторону.

– Мать! Мать! – заорала она. – Мать Мокс! К тебе пришли! Здесь Лиз вернулась с твоим ребёнком!

Словно её слова были могущественным заклинанием, вызывавшим злого духа, дверь одного из убогих домишек распахнулась и тучная баба, почти голая до пояса, с опухшей, расплывшейся и самой отвратительной рожей яростно вывалилась наружу и, рванувшись к Лиз, грубо дёрнула её за руку.

– Где мой шиллинг? – завывала она. – Где мой джин? Выкладывай! Выкладывай мой четырёхпенсовый! Ты зарабатываешь на моём ребёнке! А такого хилого и большого тебе больше нигде не найти; за него хорошо подают всякие богатенькие леди и джентльмены! А тебе он дёшево достался, скажу я, так что если не заплатишь, то я найду других, более благодарных попрошайек!

Она задохнулась, и Лиз спокойно проговорила:

– Всё в порядке, мать Мокс, – сказала она, пытаясь выдавить улыбку, – вот ваш шиллинг, вот четыре пенса на джин! Теперь я вам за ребёнка ничего не должна. – Она замолчала и замешкалась, с нежностью глядя на хрупкое создание на руках; затем она добавила почти молящим тоном: – Она спит. Могу я взять её на ночь к себе?

Мать Мокс, которая проверяла монеты на свой огромный жёлтый зуб, разразилась громким смехом.

– Забрать! Скажу тебе вот что, если бы ты мне заплатила полкроны, то могла бы забрать её!

– Вы же знаете, что я не могу дать вам столько! – проговорила она медленно. – У меня за весь день не было во рту ни крошки, ни капли. Я должна как-то жить, хотя, кажется, что жить мне незачем. Ребёнок заснул от голода, он будет плакать и беспокоиться всю ночь, а я могла бы обогреть и утешить его, если бы вы позволили.

Мать Мокс была, очевидно, дамой непреклонной. Простая просьба вывела её из себя. Она повысила голос до крика, схватившись грязными руками за ещё более грязные волосы и заорала:

– Позволю я?! Я не отдам тебе ребёнка ни на час, пока ты мне не заплатишь! Давай сюда ребёнка!

И она грубо рванула драный платок Лиз, отчего малышка заплакала.

– О, не делайте ей больно! – взмолилась Лиз, дрожа. – Такая малышка, не пораньте её!

Но мать Мокс, не слушая никаких уговоров, грубо швырнула ребёнка, как мяч, через открытую дверь в дом, и там он упал на грудку грязной одежды, оставшись лежать неподвижно; плач прекратился.

– О, ты убила её! Точно! Ты жестокая, жестокая! О малышка, малышка!

И Лиз разразилась бурными рыданиями. Прохожие поглядывали на всё это в молчании. Мать Мокс запахнула плотнее свою драную одежду с презрительным видом и вздёрнула нос, будто говоря: «А если кто будет спорить со мной, то получит ещё!» Настала краткая пауза; вдруг из лавки разливного джина вывалился мужик, вытирая тыльной стороной ладони рот на ходу, – крепко сложенный, уродливый, с копной нечёсаных рыжих волос и глазками хорька. Он тупо уставился на рыдавшую Лиз, потом на мать Мокс, наконец на стоявших бездельников вокруг.

– Что за сборище? – быстро спросил он. – В чём дело?

– Это из-за твоего ребёнка, Джо! – закричала, подпрыгнув с мостовой, прежняя девочка. – Лиз чокнулась! Она хочет уложить твоего ребёнка спать у себя!

Потрясённый Джо смутно мигнул и затянулся трубкой с явным смаком. Затем, словно бы погружившись в глубокие размышления по этому поводу, он вытащил трубку изо рта и сказал:

– Почему нет? Хочет уложить спать? Ладно! Пусть уложит, почему нет?..

При этих словах Лиз с надеждой посмотрела на него сквозь слёзы, но мать Мокс выступила вперёд в гневном возмущении.

– Ах ты, пьяный дурак! – заорала она. – Не стыдно? Отдать нашего ребёнка на всю ночь просто так! Счастье, что я ещё не лишилась мозгов, и я говорю, что Лиз её не получит!

Мужик поглядел на неё, и упрямая решимость отразилась на его пунцовом лице. Он поднял свой огромный кулак, сжал его и резко ударил, поставив своей жене огромный синяк под глаз, который мгновенно вздулся.

– А я говорю – получит! Теперь ясно тебе?

Ответ матери Мокс, должно быть, означал, что «ей всё ясно», поскольку она возвратила мужу удар с удвоенной силой, и через пару секунд счастливая семейная пара увлеклась дракой к вящему восхищению и радости соседей по грязной улице. Посмотреть на драку собрались все, а также послушать выкрики проклятий, которыми она сопровождалась.

В разгар драки один сухонький, сгорбленный старик, который сидел у порога своей двери, раскладывая тряпки в корзине и, видимо, не прислушиваясь к шуму вокруг, подал знак Лиз.

– Забери сейчас ребёнка, – прошептал он. – Никто не заметит. Я прослежу, чтобы они потом не ругали тебя.

Лиз молча поблагодарила его взглядом и, рванувшись в дом, где ребёнок лежал всё там же, явно оглушённый, на полу среди грязных тряпок, она страстно подхватила его и поспешила прочь в своё убогое жилище в полуразвалившемся здании в самом конце переулочка. Малышку оглушило падение, но благодаря искренней заботе, успокоенная тёплыми, нежными объятиями, она вскоре оправилась, хотя открывшиеся голубые глаза были исполнены удивительной боли, какую можно было бы увидеть в глазах подстреленной птицы.

– Моя малышка! Моя маленькая! – повторяла Лиз снова и снова, целуя её белое личико и мягкие ручки. – Хотела бы я быть твоей мамой, Бог знает – хотела бы! Сейчас ты всё, что у меня есть. И ты любишь меня, правда? Немножечко, совсем чуть-чуть! – И когда она снова нежно обнимала девочку, маленькое печальное создание проворковало в ответ тихое детское восхищение – звук, более приятный для её слуха, чем самая изысканная музыка, и который вызвал улыбку на губах и осветил гордостью тёмные глаза, сделав её лицо на миг почти прекрасным. Плотнo прижав ребёнка к груди, она обеспокоенно взглянула в узкое окно и увидела, что семейная драка закончилась. По выкрикам смеха и аплодисментам, долетавшим до её слуха, она поняла, что Джо Мокс одержал явную победу на этот раз, а его жена исчезла с поля боя. Она видела, как расходилась толпа, большинство людей из которой направились в пивную лавку, и очень скоро улица опустела и стихла. Вскоре она услышала, как кто-то выкрикивал её имя: «Лиз! Лиз!»

Она выглянула вниз и заметила старика, который обещал ей протекцию в случае преследования матерью Мокс.

– Это ты, Джим? Поднимайся, поговорим лучше внутри!

Он послушался и предстал перед нею в убогой комнате, с любопытством поглядывая на неё с ребёнком. Жилистый, с волчьим лицом мужчина был Джимом Дадсом, как его обычно называли, хотя настоящее его имя являлось аристократическим и исключительно ему не шло: Джеймс Дуглас. Он скорее походил на зверя, чем на человека, с этими его беспорядочными седыми волосами, кустистой бородой и острыми зубами, торчавшими, как клыки, из-под верхней губы. Он принадлежал к профессии воров и считал её вполне уважаемым ремеслом.

– Мать Мокс на сей раз получила, – сказал он с усмешкой, похожей скорее на оскал. – Джо разгорячился и превратил её почти в студень. Она теперь от тебя отстанет; пока ты регулярно платишь, Джо будет на твоей стороне. Но если настанет чёрный день, то лучше бы тебе вообще не появляться дома.

– Знаю, – сказала Лиз, – но она ведь постоянно получает деньги за ребёнка, и, конечно, не так уж много я хотела, прося её позволения на то, чтобы обогреть ребёнка в такую холодную ночь.

Джим Дадс, казалось, задумался.

– Почему ты так заботаешься об этом ребёнке? – спросил он. – Он же не твой.

Лиз вздохнула.

– Нет, – сказала она печально. – Но он даёт мне хоть какую-то опору. Знаешь, какова была моя жизнь! – Она замолчала, и волна румянца залила её бледное лицо. – С самого детства – ничего, кроме улиц, длинных, жестоких улиц! И я всего лишь кусок грязи на тротуаре – не больше; меня пинают туда, пинают сюда и наконец выбрасывают в водосток. Сплошная тьма, всё бесполезно! – Она усмехнулась. – Представь себе, Джим! Я никогда не видела пригорода!

– Я тоже, – сказал Джим, по привычке покусывая соломинку. – Там, должно быть, очень красиво, множество зелёных деревьев и цветов. Там нет такого дыма от печей, как мне говорили.

Лиз продолжала, едва слушая:

– Ребёнок мне представляется таким же, как пригороды: безобидным, нежным и тихим; когда я держу её вот так, моё сердце немного успокаивается, не знаю почему.

И снова Джим показался задумчивым. Он выразительно помахал обкусанной соломинкой.

– Тебе не повезло, Лиз. Ты ещё не встречала мужчины, который смог бы о тебе позаботиться?

Она задрожала, и глаза её стали дикими.

– Мужчину! – вскричала она с горькой усмешкой. – Ни одного мужчины не появлялось на моём пути – одни грубияны!

Джим вздрогнул, но промолчал; у него не нашлось подходящего ответа. И тогда Лиз снова заговорила, уже более мягким тоном:

– Джим, знаешь, я была сегодня в большой церкви!

– Напрасно! – нравоучительно проговорил Джим. – Церковь бесполезна, насколько я вижу.

– Там была статуя, Джим, одной женщины, державшей на руках ребёнка, и люди преклоняли колени перед ней. Как думаешь, что это значит?

– Не могу сказать, – ответил озадаченный Джим. – Ты уверена, что это была церковь? Скорее уж музей.

– Нет-нет! – сказала Лиз. – Это точно была церковь, люди там молились.

– Ах вот оно что, – хрипло проворчал Джим, – много же им от этого пользы! Я, знаешь ли, не из молящихся. Женщина с ребёнком, говоришь? Не забивай себе голову такими глупостями, Лиз! Женщины с детьми – обычное дело, а что касается молитв им... – вместо окончания фразы крайнее презрение и недоверие отразилось на лице Джима, и он повернулся, пожелав ей доброй ночи.

– Доброй ночи! – сказала Лиз мягко; и долго ещё она продолжала сидеть в тишине, размышляя с сонным ребёнком на руках, слушая, как капает дождь: всё капает и капает, будто комья земли падают на крышку гроба. Она не была доброй женщиной – совсем нет. Истинный мотив её покровительства над ребёнком очень долгое время был совершенно непристительным; это была простая жажда заработать на ложном притворстве, вызывая больше жалости у людей, чем в одиночестве, без ребёнка на руках. Поначалу она заботилась о девочке лишь ради дела, но тепло этого маленького, беспомощного тельца у её груди день за днём размягчало её сердце, вызывая в нём невинную и сочувственную слабость, и наконец она переросла в страстную и удивительную любовь, настолько сильную, что она охотно пожертвовала бы своей жизнью ради ребёнка. Лиз знала, что родные родители нисколько о ней не заботились,

разве только деньгах, которые она приносила им; и часто дикие планы рождались в её усталом уме – планы побега вместе с нею прочь из этого шумного, ненавистного города в какую-нибудь милую, спокойную деревню, чтобы найти там работу и посвятить себя счастью этого маленького существа. Бедная Лиз! Бедная, растерянная, отчаявшаяся Лиз! Невежественная лондонская язычница, и лишь один ароматный цветок украшал пустыню её бедного и тщетного существования – цветок чистой и простодушной любви к «одному из малых сих», о ком было сказано вселюбящим Божеством, неведомым ей: «Пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие».

Пугающие зимние дни стремительно приближались, и, когда время подходило к Рождеству, жители на улицах, уходящих от Стрэнда, привыкли по ночам слышать печальный женский голос, поющий в исключительно трогательной манере разные старые песни и баллады, знакомые и дорогие сердцу каждого англичанина. Окна распахивались, и монеты душем сыпались в руки уличной певицы, которая всегда носила с собою слабенькую девочку, о которой заботилась с необыкновенным вниманием и нежностью. Порой, безрадостным днём её могли увидеть бродящей по топкой грязи, спокойно напевавшей песню; и другие матери, выходявшие из красивых лавок и магазинчиков, где они покупали рождественские игрушки собственным детям, нередко останавливались, чтобы взглянуть на бледное личико её малышки и сказать, подавая пенни: «Бедная малышка! Она не больна?» А Лиз с замирающим сердцем от внезапного ужаса поспешно отвечала: «О нет-нет! Она всегда бледненькая; это просто небольшая простуда, и всё!» И добрые прохожие, тронутые величайшим отчаянием в её чёрных глазах, отходили, ничего не добавив. И настало Рождество – день рождения младенца Христа – священный праздник, которого Лиз не понимала; она лишь воспринимала его как некое огромное и весьма печальное событие, когда весь Лондон отправляется в церковь и поедает жареные стейки и тыквенный пудинг. Она ничего не понимала в этом, но даже её грустное лицо стало светлее обычного в канун Рождества, и она почти ощутила веселье, поскольку ей удалось благодаря дополнительной экономии на себе приобрести чудесную золотисто-красную камвольную птицу на эластичных нитях, птицу, которая покачивалась вверх-вниз самым натуральным образом. И её «девочка в платке» теперь смеялась этой неуклюжей игрушке, смеялась эльфийским странным смехом, чего прежде никогда не случалось! Смеялась и Лиз над простой радостью детского счастья, и эта птица стала своеобразным грубым инструментом, который вызывал их веселье.

Но после того как Рождество закончилось и меланхоличные дни, последние удары ослабевающего пульса старого года, медленно и с трудом отошли в прошлое, девочка вдруг странным образом переменилась: торжественное выражение усталости и страдания появилось на её лице. Взгляд её голубых глаз стал ещё более печальным, отстранённым и мечтательным, и спустя ещё немного времени она, казалось, утратила всякий интерес к красивым вещицам этого мира и к простым человеческим желаниям. Она лежала теперь очень спокойно у Лиз на руках; никогда не плакала и больше не капризничала, и казалось, будто она слушает с каким-то спокойным одобрением звуки грязных улиц, по которым бродила день ото дня. Постепенно игрушечная птица тоже перестала её интересовать; напрасно она прыгала и блестела; ребёнок смотрел на неё равнодушным мудрым взглядом, как если бы он вдруг узнал о существовании настоящих птиц, и теперь его нельзя было обмануть столь жалкой имитацией природы. Лиз начинала беспокоиться, но некому было утешить её страхи. Она аккуратно платила матери Мокс, и эта злобная женщина, которую держал в узде бульдогоподобный муж, в последнее время была очень довольна, что ребёнок не причинял ей беспокойства. Лиз прекрасно понимала, что никому на её убогой улице не было дела до здоровья девочки. Они бы ей сказали: «Чем больнее, тем лучше для твоей работы». Кроме того, она ревновала; она не выносила мысли о том, что кто-либо другой будет ласкать или прикасаться к ребёнку. Дети нередко хворают, думала она, и если доктора не вмешиваются, то они сами выздоравливают ещё быст-

рее, чем заболевают. Таким образом успокаивая свои внутренние страхи, она с ещё большим рвением заботилась о своей слабой подопечной, ущемляя себя, чтобы прокормить её, хотя девочка, казалось, всё меньше и меньше испытывала земные потребности и соглашалась поест лишь после терпеливых и долгих уговоров.

И так песок в стеклянных часах Времени медленно и неуклонно убегал, и настал канун Нового года. Лиз бродила по улицам весь день, исполняя свой небольшой репертуар баллад на ледяном, принизывающем ветру, столь жестоком, что люди, обычно настроенные мило-сердно, позакрывали все окна и двери и даже не слышали её голоса. Так последний день старого года выдался самым неприбыльным и страшным; она заработала не больше шести пенсов; как могла она вернуться со столь ничтожной суммой и предстать перед матерью Мокс с её яростной бранью? У неё болело горло, она очень устала и, когда ночь накрыла бледное, беззвездное небо, она механически брела от Стренда к набережной и, пройдя ещё немного, опустилась на углу рядом с «Иглою Клеопатры» – этого насмешливого обелиска, что бесстрастно взирал на падение империи и, казалось, говорил: «Проходите, тщедушные поколения! Я, простой кусок камня, переживу вас всех!» Впервые в жизни ребёнок на руках показался ей тяжкой ношей. Она постелила платок рядом с собой и с нежностью смотрела на него; девочка быстро заснула, маленькая, безмятежная улыбка показалась на её спокойном лице. Очень уставшая Лиз откинула голову на сырой камень за спиной и, плотно прижав ребёнка к груди, тоже заснула тяжёлым сном без сновидений от крайней усталости и физического истощения. Наступила мрачная ночь – ночь чёрного тумана; торжественный уход старого года не освещала ни единая звезда. Никто из торопливых пешеходов не замечал уставшей женщины, спавшей в тёмном углу, и долгое время сон её никто не тревожил. Вдруг яркий свет ослепил её глаза, она вскочила на ноги, полусонная, но всё ещё инстинктивно сжимая ребёнка в тесных объятиях. Тёмная фигура, застёгнутая на пуговицы до горла и державшая горящий глаз фонаря, стоял перед ней.

– Вставай, – сказал человек, – так не годится! Уходи отсюда!

Лиз слабо улыбнулась с извиняющимся видом.

– Всё в порядке! – ответила она, стараясь говорить весело и вглядываясь в добродушное лицо полисмена. – Я не хотела здесь спать. Не знаю, как я сюда забрела. Я пойду домой, конечно же.

– Конечно, – сказал полицейский, несколько смягчившись от её несчастного вида и тронутый её взглядом. Затем, полностью направив свет на неё, он продолжил: – У тебя там ребёнок?

– Да, – сказала Лиз гордо и с нежностью. – Бедняжка! Она захворала, но, думаю, что теперь ей уже лучше.

И, ободрённая его дружественным тоном, она раскрыла платок, чтобы показать ему своё сокровище. Глаз фонаря, как добрый защитник мира, устремился вперёд, на маленький свёрток. Едва он взглянул, как резко отпрянул назад и вскричал:

– Бог мой! Он умер!

– Умер! – закричала Лиз. – О нет, нет! Только не это! Не говорите так! О малышка, малышка! Ты не умерла, мой ангелочек, нет!

И, задыхаясь, обезумев от страха, она ощупывала крошечные ручки и личико, целовала его дико и называла сотней нежных имён – но всё напрасно! Её маленькое тельце уже заковчело; она была трупом уже больше двух часов.

Полисмен закашлялся и провёл рукою в перчатке по глазам. Он был эмиссаром закона, но и у него имелось сердце. Он подумал о своей ясноглазой жене дома и о розовощёком маленьком создании в колыбельке, которое цеплялось за её грудь и ворковало от восторга, когда он приходил.

– Послушай, – сказал он очень нежно, положив руку на плечо женщины, когда та дрожала, прислонясь к стене, и с отчаянием глядела на неподвижное восковое тельце на руках. – Бесплезно рыдать. – Он замолчал; в горле стоял ком, и он снова кашлянул, чтобы его прогнать: – Бедная малышка ушла – ничего не поделаешь. Другой мир – лучшее место, чем наш, знаешь ли! Вот так, не переживай так сильно об этом!

Лиз содрогалась и вздыхала, вздыхала с таким совершенным отчаянием, что оно задевало его за самую душу и показывало, насколько бесполезными были все его попытки утешения. Но он должен был исполнить свой долг и продолжал таким же твёрдым тоном:

– А теперь, как нормальная женщина, отправляйся прямо домой. Если я тебя оставлю одну ненадолго, ты обещаешь мне пойти прямо домой? Я ведь не увижу тебя здесь снова, когда вернусь, правда? – Лиз кивнула. – Вот и правильно! Даю тебе десять минут, иди прямо домой.

И, пожелав доброй ночи успокаивающим тоном, он повернулся и зашагал прочь, его размеренные шаги отдавались эхом в тишине вначале громко, затем всё тише и тише, пока совсем не пропали, когда его грузная фигура исчезла в дали. Оставшись одна, Лиз встала, покачивая мёртвого ребёнка на руках, и улыбнулась.

– Иди прямо домой! – пробормотала она тихим голосом. – Дом, милый дом! Да, малышка; да, моя дорогая, мы пойдём домой вместе!

И, осторожно пробираясь в тени, она дошла до пролёта широкой каменной лестницы, ведущей вниз к реке. Она спустилась по ступеням; чёрная вода тяжело накатывала на них; был полный прилив. Она помедлила; звучный, глубокий металлический голос зазвенел в воздухе вибрирующей, торжественной мелодией. Это был огромный колокол собора святого Павла, отбивший полночь – смерть старого года.

– Прямо домой! – повторила она с прекрасным, выжидательным взглядом в диких, уставших глазах. – Моя дорогая малышка! Да, мы обе устали; мы пойдём домой! Мы идём!

Поцеловав холодное личико трупа ребёнка на руках, она шагнула вперёд; последовал мрачный, громкий всплеск, лёгкая рябь – и всё кончилось! Вода тяжело накатилась на ступени, тяжело, как и прежде; полисмен прошёл ещё раз и к своему удовольствию отметил, что берег был пуст; сквозь мрачную завесу небес проглянула одна звезда и мигнула на секунду, а затем снова пропала. Звон колоколов разорвал спящую ночь, повсюду стали распахиваться окна, и люди появлялись на балконах, чтобы послушать. Колокола провозглашали Новый год – праздник надежды, день рождения мира! Но что такое был Новый год для неё – для той, с белым, повернутым кверху лицом и руками, которые держали ребёнка в цепких объятиях смерти, медленно тонувшей, погружавшейся торжественно на дно чёрной реки, невидимой, не оплакиваемой никем из тех, кто выходил навстречу новой надежде и устремлениям в это первое утро новой жизни! Лиз ушла; ушла, чтобы найти покой у Бога, быть может, с помощью своей девочки «в платке» – маленькой безгрешной души, о которой она так искренне заботилась; ушла в тот самый милый дом, о котором мы мечтаем и молимся, где потерянные и удивлённые странники с этой земли найдут истинный приют и отдохновение от горя и изгнания; ушла в тот прекрасный, далёкий мир радости, где царит божественный Хозяин и чьи слова всё ещё звучат над сутолокой веков: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.